
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ Ж. ФУРАСТЬЕ

© 2016 Гугняк Валерий Яковлевич

Московский государственный университет технологий и управления
имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)

109004, г. Москва, ул. Земляной вал, д. 73

E-mail: oet2004@yandex.ru

Анализируются теоретические идеи французского экономиста Ж. Фурастье, основанные на принципе технологического детерминизма.

Ключевые слова: технология, технический прогресс, экономическая эволюция, покупательная способность, заработная плата, земельная рента, кризисы.

Своими изобретениями Эдисон в большей мере
способствовал упразднению нищеты,
чем все реформаторы
и политические деятели от сотворения мира.

Г. Форд

Жан Фурастье (1907-1990) является одним из наиболее крупных французских экономистов второй половины XX в. и одним из основателей новой науки - футурологии. Будучи по профессии инженером, он свою первую научную работу по проблемам экономики опубликовал в 1945 г., когда ему было уже 38 лет. Широкую известность и даже популярность, и не только среди экономистов и социологов, но и вообще читающей публики, ему принесла опубликованная в 1949 г. книга "Великая надежда XX века", в которой основные идеи его экономической концепции нашли достаточно полное отражение и в дальнейшем Фурастье лишь их углублял и развивал в своих многочисленных трудах, таких как "Великая метаморфоза XX века" (1946), "Революция на Западе" (1957), "Открытое письмо к четырем миллиардам людей" (1970), "Славное тридцатилетие, или Невидимая революция с 1946 по 1975" (1976), "Цивилизация 1975" (1970) и т. д. Активную научную деятельность он успешно сочетал с практической: в течение 14 лет руководил комиссией по труду при генеральном комиссариате планирования во Франции. В 1968 г. за свои научные заслуги Ж. Фурастье был избран академиком, членом Академии политических и моральных наук (для французских экономистов это было редким явлением, Академия обычно была не склонна баловать их членством в своих рядах).

Когда Ж. Фурастье вступил на поприще своей научной деятельности, экономическая наука во Франции, по свидетельству почти всех современ-

ников, находилась в состоянии кризиса¹. Либеральная экономическая доктрина, полтора века доминировавшая во французской экономической мысли, полностью исчерпала свою и без того небольшую творческую энергию в бесконечном повторении банальных истин, заимствованных еще у Ж.Б. Сэд, Ф. Бастиа, М. Шевалье, в лучшем случае - у Д.С. Милля. Представители либеральной идеологии, за редким исключением, не были знакомы с достижениями современной им экономической науки, полностью игнорируя труды Л. Вальраса, А. Маршалла, К. Менгера и других "неоклассиков". Из провинциального затишья французскую экономическую науку вывело освобождение Франции от шестилетней оккупации немецкими войсками. Период Реконструкции (вторая половина 40-х гг. XX в.) и ставка на модернизацию экономики, амбициозная политика Ш. де Голля по возвращению страны в стан великих держав внесли свежую струю воздуха в работы французских экономистов, формируя у них несвойственный им дотоле дух обновления и новаторства, заставив их отказаться от собственных догматов. И сразу на научном небосклоне заблистали несколько новых крупных имен (Ф. Перру, Ж. Маршалль, К. Грюзон, М. Алле, ставший впоследствии лауреатом Нобелевской премии по экономике); всех их объединяло одно стремление: экономическая наука должна быть не интеллектуальной схоластикой, а отражением реальности и быть не просто теорией, но и обеспечивать эффективное осуществление практичес-

ких задач, стоящих перед обществом. В рядах этих экономистов находился и молодой инженер Ж. Фурастье, одержимый, как это часто бывает с неопитами, преобразовать все на совершенно новых началах. “По моему мнению, - не без задора утверждает он, - экономическая наука не только не существует, но она едва вышла из пеленок”², находясь, впрочем, как и другие социальные науки, на той фазе развития, на которой была физика в середине XVII в., до появления работ Ньютона.

“Вводя в свои теории ненаблюдаемые сущности, - пишет Ж. Фурастье, - то есть элементы нереальные, не наблюдаемые и непроверенные”, такие как свободная конкуренция, естественная норма процента, предельная производительность капитала, совершенная информация и т. д., “систематически прибегая к использованию упрощенных моделей, не имеющих никакого отношения к реальному миру, экономисты уходят в область чисто логических рассуждений и упражнений на темы неевклидовой геометрии, пренебрегая действительным характером экономической науки как науки экспериментальной и практически ориентированной”³. Именно с последним аспектом связана наиболее очевидная ошибка классических доктрин, от А. Смита до А. Маршалла, - “их полная практическая бесполезность”. Экономисты часто упрекают деловых людей и политиков в игнорировании экономической науки, в управлении экономикой без опоры на знание, но этот упрек, по сути, обращается против самих экономистов, поскольку опыт показывает, что люди действия склонны избегать знаний абстрактных и неопределенных, которые не имеют для них никакой пользы в повседневной жизни⁴. И наконец, что не менее важно, в классической экономической теории нет места ни для экономической эволюции, ни для технического прогресса как главного фактора этой эволюции.

Что касается “общей теории” Кейнса, которая занимает господствующее положение в умах современных экономистов (конец 40-х - начало 50-х гг. XX в.), то английский экономист, увлеченный финансовыми проблемами, характерными для короткого периода времени, абсолютно игнорирует технический прогресс, исключая его из своего мира мыслей. Мы не найдем у него ни анализа структуры производства и распределения, ни анализа изменений в структуре активного населения, ни исследования образа жизни населения и эволюции его покупательной способности⁵.

Необходимо, полагает Фурастье, изменить характер экономической науки и вернуться к традиции, которую заложили в первой трети XX в. такие экономисты, как Ф. Симиан (Франция) и У. Митчелл (США)⁶, и строить здание экономической науки, основываясь только на наблюдении и “бесспорных фактах”. Факты, и только факты, рассматривать которые следует “без какой-либо предварительной идеи”. Ж. Фурастье пишет, что “он не стремится ничего защищать, ничего доказывать, он лишь наблюдает факты, насколько это возможно объективно и беспристрастно”⁷.

Позиция французского экономиста в целом то вполне понятна и объяснима. По мере развития и совершенствования своего понятийного и математического аппарата экономическая теория все дальше удаляется от реалий жизни, особенно жизни повседневной, превращаясь все больше в разновидность интеллектуальной игры, правила которой не всегда понятны даже для “посвященных”. Недаром французский социолог Бертран де Жувешель иронически охарактеризовал экономическую науку “как схоластику XX в.”. И периодически нет-нет да и возникает у ряда ученых, особенно достаточно молодых, еще не успевших встать в ряды “посвященных” и еще недостаточно усвоивших правила хорошего тона (которые иногда в науке значат несколько не меньше, чем в светском обществе), желание вдохнуть дух реальности в экономическую науку, одеть ее в плоть удивительно совершенной модели, изощренность которой только подтверждает ее полную бесполезность, и обратиться к фактам. Как сказал Владимир Маяковский: “Воспаленной губой припади и попей из реки по имени Факт”. По этому пути и пошел Жан Фурастье, прошедший замечательную школу французской инженерной мысли и привыкший не только к строгости и точности инженерного знания, но и к его полезности, в том числе и в обычной повседневной жизни. “Меня не интересуют, - пишет он, - дискуссии о ценности, прибавочной стоимости, полезности более или менее предельной, вещах, которые в жизни не видели; то, что меня интересует, это факты наблюдаемые, которые проходят ежедневно, с которыми мы встречаемся постоянно: на улице, на заводе, в торговых магазинах, в газетах...”⁸

Разумеется, подобный взгляд на факты, вера в их “бесспорность” и в собственную объективность и беспристрастность при рассмотрении

фактов в настоящее время выглядят более чем наивными. И методологи от науки давно его развенчали. Действительно, факт не существует сам по себе, существует бесчисленное множество фактов и все они обладают различной значимостью. Требуется отбор фактов, исходя из какого-либо принципа; без предварительной гипотезы, пусть даже явно не сформулированной, выделение, отбор фактов невозможны. Факты необходимо классифицировать, упорядочить, что вновь требует какой-то, хоть плохонькой, но концепции. Таким образом, факты с самого начала являются, как говорится, “теоретически нагруженными”. А затем необходимо объяснить факты, понять их смысл: какой здесь простор для игры ума и воображения. Для объяснения такого понятия, как “прибыль”, экономисты используют более двадцати теоретических конструкций, часто противоречащих друг другу (вместе с модификациями их число превышает 120). Прав был Ф. Ницше: “Нет фактов, есть только их интерпретация”. И т. д.

Позиция Ж. Фурастье в данном смысле весьма уязвима, но в истории науки всегда встречаются чудачки, которые вопреки логике и опыту пытаются в своих теоретических конструктах опереться на “очевидность” и “беспорность” фактов. Этого соблазна не избежал однажды даже такой представитель “чистой” теоретической мысли, достойный последователь Вальрасса и его “чистой политической экономии”, как М. Алле (лауреат Нобелевской премии по экономике за 1988 г., которую ему присудили именно за блестящие теоретические исследования). В 1999 г. он публикует работу “Глобализация: разрушение условий занятости и экономического роста” с подзаголовком “Эмпирическая очевидность”, который не требует расшифровки и говорит сам за себя, и уже совсем естественным выглядит эпиграф, который избрал М. Алле к своей работе: он взял его именно у Ф. Симиан: “Основываться на фактах, а не на идеях; но пойти дальше констатации фактов, и выявить отношения и связи, способные объяснить данные факты”.

Понятие радикального эмпиризма, который положен в основу методологии и у Ф. Симиан (1873-1935), и У. Митчелла (1874-1948), и у Ж. Фурастье, сформулировал еще У. Джемс, один из основателей сугубо американского философского учения - прагматизма. В своей работе “Очерк радикального эмпиризма” (1912) он писал, что понимает под этим “признание самодовлеющего

характера опыта, не опирающегося ни на что”. Его отличие от других форм эмпиризма он “уматривает в утверждении, что в опыте обнаруживаются не только отдельные факты, но и связь между ними, которые, таким образом, не привносятся извне”⁹.

Что же касается объективности, беспристрастности рассмотрения фактов, то об этом хорошо сказал современник Фурастье, французский экономист А. Маршал: беспристрастность, индифферентное отношение к фактам в принципе невозможно. “Кто может похвастаться совершенной объективностью? Объективность всегда может быть лишь относительной. Тот, кто стремится достичь абсолютной объективности, не только вводит в заблуждение самого себя, но и обманывает других”¹⁰. Впрочем, о том, как трудно быть беспристрастным при изучении экономических фактов, писал еще в начале XIX в. Жан Шарль Сисмонди в своей работе “Новые начала политической экономии” (1819), чем вызвал гнев всех радетелей принципа объективности в социальных науках. В настоящее время, кажется, всем уже ясно, что о достижении такой объективности при изучении социальной реальности можно лишь мечтать.

Ж. Фурастье был не первым, кто упрекал ортодоксальную экономическую науку в игнорировании эволюционных изменений в обществе (об этом писали еще представители исторической школы в политической экономии Германии, и марксисты, и институционалисты различных мастей, и экономисты социологического направления в экономической мысли Франции - Ф. Перру, А. Маршал, Ж. Маршал, Ж. Лекайон, также одержимые идеей преобразования экономической науки на новых принципах). Вопрос состоял (и состоит в настоящее время) в том, как интегрировать адекватно экономическую эволюцию в логическую конструкцию экономической теории. Удовлетворительного ответа критики экономической ортодоксии пока что не дали (пожалуй, лучшее решение этой более чем непростой задачи содержится в “Капитале” К. Маркса. С этим согласны и Й. Шумпетер в своей знаменитой книге “Капитализм, социализм и демократия” (1942) и Ж. Маршал в “Двух очерках о марксизме” (1955)).

Игнорировала экономическая наука и технический прогресс. По крайней мере во второй половине 40-х гг. XX в., когда Ж. Фурастье присту-

пил к штурму бастионов экономического знания, сформировавшегося еще в конце XIX в. и бывшего в основе своей микроэкономическим, опиравшегося, прежде всего, на труды А. Маршалла. В кейнсианских моделях экономического роста (Харрода и Домара) технический прогресс также, по существу, выносился за рамки анализа: он выступал как нейтральный фактор. И Ж. Фурастье, как инженер, сразу почувствовал неадекватность жизненным реалиям современной ему экономической теории, став, пожалуй, самым яростным адептом идеи “технологического детерминизма” в процессе исторического развития общества.

“Технический прогресс, - пишет Ж. Фурастье, - есть господствующий фактор нашего времени; он доминирует в политической, экономической и социальной истории современного человечества”¹¹; однако понятие технического прогресса занимает чрезвычайно ограниченное место в классической экономической науке”. “В действительности, к техническому прогрессу обращаются только тогда, когда речь идет о промышленной революции”.

И свою задачу французский экономист видит в том, чтобы представить “общую теорию современной экономической эволюции, основанной на анализе технического прогресса”¹², и его господствующий характер в этой эволюции, его определяющее “действие на многие из экономических и социальных фактов современного мира”. Технический прогресс - это “нить Ариадны” при объяснении нашего времени. Он “должен занимать в экономической теории такое же место, как в экономической истории, т.е. он должен быть лейтмотивом описаний, важнейшим фактором объяснений, ключом доктрины”. Фундаментальное движение таких категорий, как земельная рента, цена, реальная заработная плата, уровень жизни, кризисы, и таких показателей, как объем производства, уровень и структура занятости, можно объяснить техническим прогрессом, и только им.

Экономисты-классики предпочитали исследовать экономические явления в статическом состоянии, игнорируя экономическую эволюцию и технический прогресс. Такой подход, по мнению Ж. Фурастье, дает искаженную картину мира, в которой мы живем. Факты неопровержимо свидетельствуют, что экономическая картина мира кардинально меняется в процессе эконо-

мической эволюции, на протяжении длительных периодов времени. Экономический прогресс, достигнутый за последние два с половиной столетия, является просто фантастическим, по мнению Фурастье. Покупательная способность заработной платы рабочих во Франции увеличилась, например, в 1,5 раза за период 1700-1831 гг., еще в 2,2 раза за период 1831-1939 гг. и в 3 раза за последние 30 лет (1945-1975)¹³. Это и есть “невидимая революция”, произошедшая в “славное тридцатилетие”. Весьма показательно уменьшение доли расходов на потребление хлеба в семейном бюджете наемных работников: в 1700 г. две трети всех расходов работник тратил на покупку хлеба - 67 %, к 1830 г. эта доля уменьшилась более чем вдвое - до 31 %, а в 1974 г. она составляла всего лишь 3 %¹⁴. Просто удивительное подтверждение закона Энгеля, замечает Фурастье. (Этот закон, выведенный немецким экономистом Энгелем еще в XIX в., есть результат обобщения большого эмпирического материала, и поэтому Фурастье считает его заслуживающим признания в качестве “научного принципа”).

С 1946 г. во Франции наблюдается настоящее потрясение в сфере продолжительности труда. В 1830 г. рабочий день продолжался в среднем 13 часов (52 рабочие недели, но 6 дней в неделю), число отработанных часов в год составляло 3800 часов, в 1900 г. - 3000 часов, в 1921 г. - 2350 часов, в 1946 г. - 2100, в 1975 г. - только 1850 часов¹⁵, т.е. по сравнению с 1830 г. длительность годового фонда рабочего времени уменьшилась более чем в 2 раза, а по сравнению с 1900 г. - более чем в 1,5 раза при одновременном росте реальной заработной платы и увеличении времени досуга.

Этот поразительный прогресс в повышении уровня жизни и благосостояния населения Франции за данный период времени достигнут, главным образом, не в результате реализации различного рода социальных реформ и революционных потрясений, которыми так богата история страны за последние 200 лет, а вопреки им, благодаря техническому прогрессу, которому принадлежит решающая роль в экономической эволюции общества. Именно технический прогресс, измеряемый уровнем производительности труда в единицу времени или производством национального дохода на душу населения, сделал возможным столь радикальное (“невидимая революция”) повышение покупательной способности населения.

Так, национальный доход на душу населения в реальном выражении (в постоянных ценах) увеличился во Франции с 1700-го по 1975 г. следующим образом (если взять уровень 1938 г. за 800 %)¹⁶:

1700 г. - 27 % (от уровня 1938 г.)	1913 г. - 85 %	1949 г. - 109 %
1830 г. - 38 %	1928 г. - 119 %	1959 г. - 172 %
1901 г. - 61 %	1938 г. - 100 %	1970 г. - 333 %
	1946 г. - 83 %	1975 г. - 400 %

Если, например, в период с 1831-го по 1938 г. покупательная способность заработной платы французских рабочих увеличилась в 2,2 раза, то это следствие того, что в результате технического прогресса национальный доход на душу населения во Франции возрос за эти столетия в 2,65 раза. И т. д.

По мнению Ж. Фурастье, именно технический прогресс, а не мнимые законы предельной полезности и предельной производительности является ключом для объяснения не только эволюции заработной платы, но и природы и эволюции любой экономической категории, любого экономического процесса (прибыли и ренты, цены и безработицы, экономического кризисов и инфляции). Рассматривая, например, ренту, Фурастье выделяет три категории “традиционной” концепции ренты¹⁷:

1) земельную ренту - привилегированную форму дохода в средневековой Европе, которая определяла социальную иерархию различных слоев. Она связана с различным качеством (плодородием) участков земли и, следовательно, с различной производительностью труда на них;

2) ренту индивидуальную, связанную с личностью работника, его способностями, уровнем образования, культурой, опытом жизни, профессиональными навыками;

3) ренту ситуации (территориальную, пространственную, географического положения).

Технический прогресс, по мнению французского экономиста, стремится аннулировать старые, традиционные формы ренты, в особенности земельную, хотя в то же время он создает и новые формы ренты. В сельском хозяйстве технический прогресс делает бесполезным обработку наименее плодородных земель и тем самым уменьшает различия в производительности участков земель. Значительно уменьшает технический прогресс ренту, связанную с образованием, все большее количество людей получают хорошее образование, повышается и общий уровень куль-

туры населения, тем самым снижая различия в получении такого рода индивидуальной ренты. А вот на ренту ситуации технический прогресс не оказывает почти никакого влияния¹⁸.

Технический прогресс выступает у Ж. Фурастье и в качестве “генератора кризисов”¹⁹, так как порождает неравновесие в экономике между структурой производства и структурой потребления, которые в короткий период времени не могут быстро приспособиться друг к другу. “Кризис есть феномен естественный, органически связанный с экономической эволюцией”²⁰.

Многие экономисты считают, что кризисы имеют периодическую природу, регулярно повторяясь через определенный промежуток времени, но, по мнению Фурастье, факты не подтверждают этого²¹. И хотя главным фактором, объясняющим экономические кризисы, является, несомненно, технический прогресс, при объяснении этого явления необходимо учитывать множество факторов, хотя в целом роль их второстепенная²². В качестве таких факторов могут выступать войны, революции, редкие климатические изменения погоды (засуха), но, прежде всего, в качестве очень важной причины кризиса выступают денежные факторы. Кредит может искусственно продлевать фазу экспансии и уменьшать длительность фазы депрессии, и в таком случае кризис экономический может сопровождаться кризисом финансовым. Если кризисы органически присущи экономике современного общества, то это не значит, полагает Фурастье, что нельзя пытаться уменьшить их неблагоприятные (негативные) последствия. Знание природы кризисов позволяет эффективно бороться с ними²³. Невозможно отменить наступление зимы, но можно к ней хорошо подготовиться, в частности в сельском хозяйстве. Но использование денег и кредита в качестве средства борьбы с экономическим кризисом, как предлагает Кейнс, в целом, по мнению Фурастье, малоэффективно²⁴. Лишь долгосрочная политика экономического роста, которую проводят в настоящее время многие страны, позволяет (и уже достигли этого после Второй мировой войны) уменьшить интенсивность (глубину) и продолжительность кризисов²⁵.

Если, как утверждает французский экономист, технический прогресс является фундаментальным фактором, определяющим экономическую эволюцию, то нельзя обойти вопрос: а что определяет сам технический прогресс, каковы при-

чины, обуславливающие этот процесс? Почему в одних странах он осуществляется, и весьма успешно, а в других он никак не выйдет на торную дорогу? Почему в этом отношении европейским странам никак не удастся сравняться на протяжении целого века (после Первой мировой войны и до настоящего дня) с экономикой США? Что препятствует техническому прогрессу в развивающихся странах? (И почему наш современный российский бизнес испытывает явную аллергию по отношению к техническому прогрессу, хотя и не прочь воспользоваться его плодами, если, правда, они выращены другими?)

Сам технический прогресс, по мнению Фурастье, имеет своей главной причиной прогресс научный²⁶. Чтобы объяснить технический прогресс, надо обратиться к развитию науки. Но в более поздней работе, написанной совместно с Лалефом ("Революция на Западе", 1957), Фурастье уже отходит от упрощенной трактовки причин технического прогресса и заявляет, что "ничто не является менее техническим, чем причины и последствия технического прогресса: прежде прогресса существует человек, с его предрассудками, его привычками, его манерой чувствовать и действовать..."²⁷. Хотя инженеры по роду своей деятельности склонны считать, что одинаковое оборудование имеет одинаковую производительность, но это, как показывает опыт, не так: если производительность оборудования одинаковую по своему качеству принять за 1 в слаборазвитых странах, то во Франции оно работает в 3 раза более эффективно, а в США - в 6 раз (разный уровень квалификации работника, организации труда и производства и т. д.). "Кроме факторов технических, эффект которых можно измерить непосредственно, существуют глубинные факторы, последствия которых трудно или невозможно измерить и эффективность которых становится заметной лишь на протяжении длительного или очень длительного периода времени. Но именно они являются решающими и объясняют огромные различия между нациями и регионами мира в сфере технического прогресса"²⁸. Техника есть только один, хотя и очень важный, социальный элемент культуры народа, культуры, взятой в широком смысле слова как синоним цивилизации или концепции мира, как совокупность философских, религиозных, моральных взглядов и верований, которые трудно (а иногда и невозможно) передать от одного народа к другому²⁹.

Несмотря на родственный характер культур Франции и США и принадлежность их к западной христианской культуре, концептуализация мира у французов и американцев во многом существенно различна (еще в большей степени это относится к Китаю или Индии). Основная масса французского народа еще живет в мире традиционных идей, более или менее чуждых техническому прогрессу и экспериментальному методу современной науки (интровертированное мышление человека традиционного, когда высшим знанием выступает мудрость). Для американца в гораздо большей степени характерно экстравертированное мышление, направленное на активное освоение внешнего мира, ибо на него не давит груз традиций, он не знал войны на своей территории и не испытывал столь свойственного традиционным старым культурам чувства беспомощности перед мощными, грозными силами природы (неурожаи, голод и т. д.).

Французскому мышлению и психике, как известно, весьма близок дух философской системы Декарта: ясность, точность, независимость и... эlegantность, но опыт и экспериментальный метод занимают в системе Декарта явно второстепенное место³⁰. Критерий истины у него остается традиционным - это очевидность. Англосаксонская концепция мира нашла свое полное и соответствующее отражение в системе Ф. Бэкона, в его модели экспериментального метода, основанного на верификации знания эмпирическим путем. Эта большая ориентация французской науки на традиционное осмысление реальности во многом объясняет более низкие темпы экономической и технической эволюции во Франции, чем в США. Но, добавляет французский экономист, существует и ряд других причин (по его словам, он не является сторонником строго монистической точки зрения на общество и его эволюцию), хотя и менее важных.

Остается еще сказать об этапах экономической эволюции, как их интерпретирует Жан Фурастье (эта была наиболее известная и популярная часть его научного наследия).

Ж. Фурастье предлагает при анализе современной экономики и ее эволюции использовать структурный (секторальный) подход, ибо экономическое пространство неоднородно и различные секторы экономически развиваются неравномерно. Фурастье разделяет экономику на три сектора: первичный сектор, охватывающий сельское

хозяйство, рыболовство и добывающую промышленность; вторичный - обрабатывающую промышленность, транспорт и связь, строительство; третичный - сферу услуг. Предложение выделить в экономике указанные три сектора не является совершенно новым, и это отмечает сам Ж. Фурастье. Впервые, в 1935 г., данные сектора в экономике выделил А. Фишер (США), а затем эта идея получила развитие в работе Колина Кларка "Условия экономического прогресса" (1942). Кларк даже утверждал, что в 60-е гг. XX в. доля третичного сектора должна составить около 80 % всех занятых в экономике США.

По мнению Ж. Фурастье, нельзя ограничиваться чисто статистическим анализом трех секторов, как это сделали и Фишер, и Кларк. Французский экономист связал деление экономики на три сектора с трендами технического прогресса, с увеличением производительности труда, как результирующего фактора достижений в области технического прогресса и возможностью на этой основе делать прогнозы эволюции экономики³¹. (Правда, сам К. Кларк в предисловии к новому изданию своей работы в 1957 г. постарался в довольно резкой форме отмежеваться от интерпретации, высказанной Ж. Фурастье).

По данным, приводимым Фурастье, доля трех секторов в экономике эволюционирует на протяжении XIX и XX вв. таким образом: если в конце XVIII в. во Франции на долю первичного сектора (сельское хозяйство) приходилось 80 % производства национального дохода Франции, то в дальнейшем его удельный вес постоянно уменьшается и увеличивается доля вторичного и третичного секторов³²:

	1-й сектор (сельское хозяйство)	2-й сектор (индустрия)	3-й сектор (сфера услуг)
1865-1869 г.	58,00 %	21,00 %	21,00 %
1906 г.	40,00 %	30,00 %	30,00 %
1930 г.	21,00 %	40,00 %	38,00 %
1960 г.	14,00 %	41,00 %	45,00 %

И соответствующие данные по США:

1850 г.	32,00 %	19,00 %	42,00 %
1870 г.	28,00 %	24,00 %	45,00 %
1900 г.	19,00 %	30,00 %	44,00 %
1920 г.	12,00 %	31,00 %	57,00 %
1954 г.	6,00 %	42,00 %	52,00 %
1961 г.	4,00 %	36,00 %	60,00 %

Если же рассматривать удельный вес трех секторов с точки зрения занятости населения, то

картина будет несколько иная, хотя, в принципе, и похожая (идентичная). В США занятость по секторам изменяется следующим образом³³:

	1-й сектор	2-й сектор	3-й сектор
1820 г.	73,00 %	12,00 %	15,00 %
1850 г.	64,00 %	18,00 %	18,00 %
1900 г.	38,00 %	28,00 %	34,00 %
1920 г.	28,00 %	33,00 %	39,00 %
1960 г.	9,00 %	32,00 %	59,00 %

Занятость по секторам во Франции шла значительным отставанием от США (по своей структуре), вследствие более замедленного роста технического прогресса:

	1-й сектор	2-й сектор	3-й сектор
1901 г.	42,00 %	30,00 %	28,00 %
1921 г.	42,00 %	23,00 %	35,00 %
1946 г.	36,00 %	30,00 %	34,00 %
1962 г.	21,00 %	38,00 %	41,00 %

Таким образом, доля первичного сектора снизилась в занятости в США с 73 % в 1820 г. до 9 % в 1960 г., а во Франции с 53 % в 1856 г. до 21 % в 1962 г. Рост производительности труда в сельском хозяйстве в результате технического прогресса ведет к уменьшению занятости в сельском хозяйстве и миграции населения в индустрию, а по мере технического прогресса в последней и насыщения спроса на производимую ею продукцию занятость в индустрии также должна уменьшаться и активное население будет перемещаться в третичный сектор. Темпы роста производительности труда в последнем очень низкие, и поэтому он способен поглотить избыток рабочей силы, высвобождающейся из сельского хозяйства и индустрии. В будущем, по оценке

Ж. Фурастье, в конце XX в. в сельском хозяйстве развитых стран будет занято около 5 % активного населения, в индустрии - 10 %, а в сфере услуг - 85 %. Прогноз французского экономиста оказался достаточно близким к реальности, хотя и не совсем точным, тем более, что в каждой стране структура занятости имеет свои особенности. В конце XX в., в 1999 г., в сельском хозяйстве (первичном секторе) США было занято 2,9 % актив-

ного населения, в промышленности (вторичный сектор) - 26,9 %, а в сфере услуг - 70,2 %, в Германии соответствующие данные были несколько иными - 4,0 %, 39,9 %, 53,0 %, а в Великобритании - 2,3 %, 33,0 %, 54,9 %³⁴.

¹ Denis H. (1951) *Le crise de la pensee economique*. Paris.

² Fourastie J. (1958) *Le progres technique et evolution economique*. Paris, p. 19.

³ Fourastie J. (1949) *Les nouveaux courents de la pensel economiquue*. "Annales", janvier-mars, p.58.

⁴ Ibid, p. 56.

⁵ Fourastie J. *Le progres technique...*, p. 8.

⁶ Современник Фурастье, французский экономист А. Маршаль (1905-1968) очень метко назвал эту традицию "гиперэмпиризм".

⁷ Fourastie J. (1963) *Le grand espoir de XX-e siecle*. Paris, p. 12.

⁸ Fourastie J. *Le progres technique...*, p. 21.

⁹ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. Москва, 1998. С. 398.

¹⁰ Marshall A. (1953) *La pensel economique de la France depuis 1945*. Paris, p. VIII.

¹¹ Fourastie J. *Le progres technique...*, p. 8.

¹² Fourastie J. (1963) *Le grand espoir de XX-e siecle*. Paris, p. 7.

¹³ Fourastie J. (1975) *Le trents glorieuses ou la revolution indivisible de 1946 a 1975*. Paris, p. 201.

¹⁴ Ibid, pp.155, 161, 169.

¹⁵ Ibid, p. 75.

¹⁶ Ibid, p. 206.

¹⁷ Fourastie J. (1963) *Le grand espoir...*, pp. 208-214.

¹⁸ Ibid, p. 215.

¹⁹ Ibid, p. 93.

²⁰ Ibid, p. 246.

²¹ Ibid, p. 223.

²² Ibid, p. 239.

²³ Ibid, p. 246.

²⁴ Ibid, pp. 240-241.

²⁵ Ibid, p. 241.

²⁶ Ibid, pp. 334, 71.

²⁷ Fourastie J., Laleuf A. (1957) *Revolution a l'Ouest*. Paris, p. 4.

²⁸ Ibid, p. 44-45.

²⁹ Ibid, p. 46.

³⁰ Ibid, p. 55.

³¹ Fourastie J. (1963) *Le grand espoir...*, p. 412.

³² Ibid, p. 103.

³³ Ibid, p. 132.

³⁴ Страны ОЭСР. 2000 : стат. справочник ОЭСР. Москва, 2007. С. 18-19.

Поступила в редакцию 03.05.2016 г.